

Семья и род как феномены культуры в античности: Древнегреческие ΟΙΚΟΣ и ΓΕΝΟΣ в сравнении с римскими FAMILIA и GENS

Игорь Е. Суриков

*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия; isurikov@mail.ru*

Аннотация. В статье проводится компаративный анализ некоторых элементов древнегреческих и римских семейно-родовых структур. На первый взгляд, две системы крайне близки. Самый низший, первичный уровень в обоих случаях – семья (у греков οἶκος, у римлян familia). Переходя на следующий уровень, встречаем то, что часто переводят как «род» (у греков γένος, у римлян gens). Следующее – и вновь обнаруживаем вроде бы коррелирующие единицы: греческую фратрию (φρατρία) и римскую курию (curia). Еще выше оказывается крупное подразделение, которое обычно воспринимают как племя: это греческая фила (φύλη) и римская триба (tribus).

В статье, однако, указывается, что аналогия эта мнимая. Если древнегреческая семья (οἶκος) имеет черты принципиального сходства с римской семьей (familia), то уже на следующем таксономическом уровне древнегреческий род (γένος) демонстрирует серьезнейшие отличия от римского рода (gens), и эти отличия усугубляются на уровнях еще более высоких (греческая фратрия и римская курия, греческая фила и римская триба).

В статье затрагивается также история вопроса и особо акцентируется вклад, который внесли в изучение древнегреческих родовых структур французские ученые Ф. Буррио и Д. Руссель, которые фактически предложили и обосновали принципиально новое понимание эллинского γένος.

Ключевые слова: Древняя Греция, Древний Рим, Афины, род, семья, фила, фратрия

© Суриков И.Е., 2018

В основу статьи легли доклады, прочитанные автором на конференции «Миусские античные посиделки – IX: Семья, брак и династическая политика в Древнем Риме (и не только)» (РГГУ, март–апрель 2017 г.) и на круглом столе «Центры и периферия древних цивилизаций Востока и Запада: сферы, формы и результаты взаимодействия (IV/III тыс. до н. э. – I тыс. н. э.)» (Институт всеобщей истории РАН, октябрь 2017 г.).

Для цитирования: Суриков И.Е. Семья и род как феномены культуры в античности: Древнегреческие ΟΙΚΟΣ и ΓΕΝΟΣ в сравнении с римскими FAMILIA и GENS // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 7 (40). С. 126–142. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-7-126-142

Family and clan as cultural phenomena in Classical Antiquity: Ancient Greek ΟΙΚΟΣ and ΓΕΝΟΣ as compared with Roman FAMILIA and GENS

Igor E. Surikov

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia; isurikov@mail.ru*

Abstract: The article contains a comparative analysis of some elements of Ancient Greek and Roman familial and generical structures. At the first view, the two systems are extremely similar. The lowest, primary level is in both cases is the family (Greek οἶκος, Roman *familia*). At the following level there is a thing often translated as “clan” (Greek γένος, Roman *gens*). Further on, we again there are units those seem to correlate: Greek phratry (φρατρία) and Roman *curia*. Still further on, there is a large unit usually understood as the tribe: Greek φυλή and Roman *tribus*.

The article, however, notes that the analogy is false. If Ancient Greek family (οἶκος) has features of principal similarity with the Roman one (*familia*), yet already at the next taxonomic level, Greek γένος demonstrates very serious differences from Roman *gens*, and the differences only grow at higher levels (Greek φρατρία and Roman *curia*, Greek φυλή and Roman *tribus*).

The article also touches the history of the issue and specially accentuates the impact brought to the study of Ancient Greek gentile structures by French scholars F. Bourriot and D. Roussel; they, as a matter of fact, offered and proved a principally new understanding of the Hellenic γένος.

Keywords: Ancient Greece, Ancient Rome, Athens, clan, family, phyle, phratry

For citation: Surikov IE. Family and clan as cultural phenomena in Classical Antiquity: Ancient Greek ΟΙΚΟΣ and ΓΕΝΟΣ as compared with Roman FAMILIA and GENS. *RSUH/RGGU Bulletin. “History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies” Series*, 2018;7(40):126-42. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-7-126-142

Можно ли говорить о семейно-родовых отношениях как о феномене культуры? На наш взгляд – безусловно, можно. Более того, в традиционных обществах (в частности, в древнем мире) особенности этих отношений во многом диктовали общую культурную специфику. Автор этих строк – специалист в области античности (преимущественно Древней Греции), поэтому вполне естественно, что в рамках данной небольшой статьи мы обратимся именно к античному материалу.

Наш интерес к древнегреческим родам берет свое начало еще в 1990-х годах, когда нами подготавливалась монография по указанной проблематике [1]. Уже тогда нам стало совершенно ясно, что вопрос о древнегреческих родах (а конкретнее – об афинских, поскольку именно применительно к Афинам имеется источниковый материал в количестве, позволяющем адекватно осветить всю тему) неотрывен от вопроса о древнегреческой аристократии (почему – станет ясно из дальнейшего изложения).

Афинские аристократические роды – действительно серьезная проблема. Прежде всего, что это за роды? Для нас совершенно ясно, что они не имеют прямого отношения к, так сказать, первичным родам, берущим свои истоки из первобытного родоплеменного общества (описанного Л.Г. Морганом, Ф. Энгельсом и др.). Мы однозначно исходим из того, что афинские аристократические роды архаической и классической эпох (Алкмеониды, Филаиды, Керики, Этеобутады, Ликомиды, Писистратиды, Кодриды-Медонтиды и остальные, их несколько десятков) – это вторичные структуры, восходящие отнюдь не к первобытности, а к раннему железному веку или, если употреблять принятую в отечественной историографии терминологию, к гомеровскому периоду.

Что такое, в конце концов, род? Это в любом языке крайне расплывчатое понятие, по большей части употребляющееся совершенно не терминологически. Когда у нас в России спрашивают, «какого ты роду-племени», естественно, это метафора, и речь не идет ни о каких родоплеменных структурах. Так почему бы не предположить, что ровно так же дело обстоит и в некоторых других традициях? Кажется, все свидетельствует в пользу этого.

Древнегреческая лексема, которую традиционно переводят как «род», – γένος. Но эта констатация нам пока ровно ничего не дает. Да, от γένος происходят в новых языках «ген», «генетика», «генеалогия», да и очень многое другое, вплоть до личных имен Евгений и Геннадий. Но в сущность понятия γένος это еще не позволяет проникнуть.

Безусловно, этапными в плане подходов к феномену афинского (а стало быть, в чем-то и древнегреческого в целом) рода следует считать две монографии – Ф. Буррио [2] и Д. Русселя [3], – вышедшие во Франции в 1970-х гг. практически одновременно. Особенно фундаментален труд Буррио, представляющий собой два толстых тома; в нем учтены, кажется, все свидетельства источников, какие только

существуют. В своих выводах оба французских ученых категоричны: афинский аристократический род – образование вторичное, отнюдь не коренящееся в глубокой древности.

На этом вопросе имеет смысл остановиться, хотя бы кратко, в компаративном аспекте, а именно произвести сравнение древнегреческой и римской систем структурирования общества. На первый взгляд, системы эти крайне близки. Самый низший, первичный уровень в обоих случаях – семья (у греков οἶκος, у римлян familia). Переходя на следующий уровень, встречаем то, что переводят как «род» (у греков γένος, у римлян gens). Следующим дальше – и вновь обнаруживаем вроде бы коррелирующие единицы: греческую фратрию (φρατρία) и римскую курию (curia). Еще выше оказывается крупное подразделение, которое обычно воспринимают как племя: это греческая фила (φυλή) и римская триба (tribus; во многих современных европейских языках именно от этой латинской лексемы происходит термин, обозначающий «племя»). Наконец, все объединяется в общей категории «народа» (греч. δῆμος, лат. populus) как коллектива граждан полиса во всей совокупности.

Таким образом, сколь прекрасная параллель перед нами! Ее обнаружили компаративисты – лингвисты и этнологи, – как минимум в XIX в. и тут же стали делать на ее основе далеко идущие выводы, видя в прослеживаемой закономерности что-то «общечеловеческое». Тут подоспели работы Л.Г. Моргана об ирокезах (их автор, понятно, и сам исходил в методологическом смысле из вышеуказанной модели, прослеженной на греческом и римском материале).

Венцом стала всем известная работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Энгельс не являлся ученым-исследователем (тем паче специалистом по первобытности и древнему миру), он был талантливым популяризатором и действительно умным человеком, что, кстати, позволило ему смягчить ряд крайностей теории Маркса. Мы еще со студенческих (если не со школьных) лет штудировали его вышеназванное произведение и помним, что он чуть ли не полностью отождествлял ирокезскую, римскую и греческую структуры (во всяком случае, в их исторических корнях).

Об ирокезах судить не возьмемся, это не наша сфера компетенции. А вот что касается греков и римлян – такая красивая параллель оказывается ложной почти во всех своих звеньях. Особенно глубокие расхождения имеются на уровне рода. В наличии римского рода (gens) сомневаться не приходится. Более того, общеизвестным фактом является положение, что каждый римский гражданин обязательно должен был принадлежать к какому-нибудь роду. Это отражалось, в частности, и в его официальном имени, весьма четко организованном, так что по нему можно, так сказать, прочесть «подноготную» каждого.

Имеем здесь в виду имена римских граждан республиканской эпохи, поскольку в период Империи номенклатура потеряла четкость. Вначале императорами и членами их семей, а затем и прочими лица-

ми стал допускаться полный произвол в данной сфере; в результате в поздней античности появляются уже такие немыслимые с традиционной точки зрения комбинации, как «Лициний Лициниан», «Клавдий Клавдиан» и т. п. (да и «Гай Валерий Аврелий Диоклетиан», с двумя *nomina* и ложным *cognomen*, немногим лучше). Мы же, повторим, исходим из системы вполне классической, принятой при Республике, из системы «*praenomen* – *nomen* – *cognomen*». Последний элемент, оговорим, мог не присутствовать вообще, как в «Тит Ливий», а мог, с другой стороны, включать не одно, а два или даже три слова (в подобных случаях употребляют термин *agnomen*; ср., например, имя «Публий Корнелий Сципион Назика Серапион», в котором наличествуют *praenomen*, *nomen*, *cognomen*, *agnomen* и еще один *agnomen*, причем, кстати, известны обстоятельства появления когномена и обоих агноменов)¹.

Автору этих строк всегда было интересно: как же знатные римские граждане республиканского времени обращались друг к другу, как они различали лиц с совпадающими элементами имени? Например, Гая Юлия Цезаря, знаменитого диктатора и предтечу Империи, в источниках обычно обозначают просто «Цезарь» (у Светония он «Юлий», но это потому, что для биографа первых римских императоров «цезарь» – уже скорее титул, чем имя). Но ведь было же и много других Цезарей! Так, одно из главных действующих лиц трактата-диалога Цицерона «Об ораторе» – Гай Юлий Цезарь Страбон, известный знаток приемов юмора; в этом качестве он у Цицерона и выступает, причем постоянно обозначается просто как «Цезарь», как будто бы в цicerоновские времена не было другого, куда более прославленного Цезаря. Упоминаются в источниках и Секст Юлий Цезарь, и разные другие Цезари... Да и Августа, первого императора Рима, источники постоянно называют Цезарем. Как же их в быту различали? Для нас это загадка, да, может быть, и не только для нас.

Особым случаем были когномены на *-apius*, они указывали на адоптацию, то есть на официальное усыновление лицом из другого рода. Так, Публий Корнелий Сципион Эмилиан (Африканский Младший), знаменитый разрушитель Карфагена, по рождению являлся, собственно, Эмилием Павлом, но был адоптирован в род Корнелиев.

В республиканском Риме с номенклатурой гражданина, таким образом, дела обстояли как-то тревожаще-сложно. А вот в древнегреческих полисах, напротив, по этой линии всё было как-то тревожаще-просто. Если взять стандартное полное имя афинянина классической эпохи, оно

¹ В процессе обсуждения нашего доклада на эту тему на конференции в ИВИ РАН кандидат исторических наук Е.В. Ляпустина сказала, что мы ошибаемся, что не каждый римский гражданин принадлежал к какому-либо роду и имел *nomen* (*nomen gentis*). Однако на нашу просьбу привести конкретные примеры «безродных» римлян она затруднилась с ответом. Нашу позицию поддержал доктор юридических наук Л.Л. Кофанов, ответственно заявивший, что таких примеров нет.

состояло из трех элементов: «Перикл, сын Ксантиппа, из Холарга», «Аристид, сын Лисимаха, из Алопеки», «Фемистокл, сын Неокла, из Фреарра», «Сократ, сын Софрониска, из Алопеки», и пр., и пр. Эти три элемента – а) личное имя, данное при рождении; б) патронимик – «отчество», субстантивированное имя отца в родительном падеже (слово «сын» в переводах добавляется для ясности, а еще до революции порой писали «Перикл Ксантиппов» и т. п., как у крестьян в старой России: «Иван Васильев Петров» – здесь «Васильев» – это отчество, оканчивать его на «-ич» долгое время имели право только знатные персоны); в) демотик, обозначение deme, к которому был приписан данный гражданин (но не обязательно в нем проживал; как известно, принадлежность к дему² со времен Клизфена являлась пожизненной и даже наследственной, не изменялась в случае переезда лица или семьи на реальное жительство в иной дем).

Так вот, есть ли в этой афинской номенклатуре хоть какой-то намек на род? В отличие от Рима – ни малейшего. Вот в этом-то и состоит главная «загвоздка».

Гражданин греческого полиса, в отличие от *civis Romanus*, отнюдь не обязан был принадлежать к какому-либо роду. Роды у афинян имелись, с этим спорить невозможно, но это были, подчеркнем, только аристократические роды³. И на этом рушится весь параллелизм между реалиями римлян и греков, вся симметрия между градационными системами *populus – tribus – curia – gens – familia* и *δῆμος – φυλή – φρατρία – γένος – οἶκος*. И ведь какую красивую картину приходится признать недействительной!

Если перейти к более конкретному сравнительному анализу, уместнее, пожалуй, будет начать с самого нижнего звена, с семьи. Тем более что как раз на его уровне обнаруживается, пожалуй, наибольшее количество элементов сходства. В сущности, между греческим *οἶκος* и римской *familia* по-настоящему принципиальных различий нет. Разве что власть отца семейства (*paterfamilias*) в Риме была сильнее, нежели в Греции, доходя даже до *ius vitae ac necis*, до права полного распоряжения даже жизнью подвластных – сыновей (в том числе совершеннолетних, взрослых) и супруги (если брак был с манципацией).

У греков чего-либо подобного римской *patria potestas* все-таки не встречается. Да, безусловно, и у них возбранялось плохо относиться к родителям. И даже при докимасии избранных, но еще не вступивших в должность магистратов каждому из них задавался вопрос: хорошо ли он относится к своим родителям, не обижает ли он их, не бьет ли?

² Дем в Афинах – низшая единица административно-государственного деления. Дем представлял собой либо некий сельский округ, либо район столицы полиса – города Афин. Демы в этом качестве были введены Клизфеном, основателем афинской демократии, в конце V в. до н. э. Точное число их неизвестно (более 100, но менее 150). Подробнее по проблеме см. [4].

³ Полный перечень тех аттических родов, о которых сохранились свидетельства источников, см. в очень старой, но богатой материалом книге [5].

Но, кстати, сам этот нюанс уже крайне характерен, в нем есть некая соль. В Риме и в голову не пришло бы спрашивать кого-нибудь, не бьет ли он своих родителей, там такое было просто невысказано. Итак, если эллинскому отцу порой угрожала опасность претерпеть побои от собственного сына, то римскому сыну чаще угрожала опасность быть убитым или проданным в рабство собственным отцом.

Сходство между *oikos* и *familia* тем не менее, подчеркнем, налицо. Оно проявлялось, в частности, и в том, что обе лексемы подразумевали не только семью как таковую, но и домохозяйство. В частности, в персональном плане как в *oikos*, так и в *familia* входили не только непосредственные члены семейства, связанные родством с его главой (жена и дети), но также и рабы. Всем известно, что у римлян рабы делились на *familia urbana* и *familia rustica*. У эллинов же данный оттенок, пожалуй, еще четче был выражен тем, что в их языке *oikos* – не только семья как таковая, но и дом, жилище.

Рассмотрим (в плане «альтернативной истории») случай, который, правда, к Афинам напрямую не относится, но все-таки имеет определенное отношение и к тамошним реалиям. Имеем в виду сюжет второй половины гомеровой «Одиссеи». Царь Итаки отсутствует на родине 20 лет. У него есть сын – юный Телемах, но «женихи» Пенелопы с ним всерьез не считаются и всячески третируют молодого человека. Представим себе, что Одиссей и вправду не вернулся бы. Тогда Пенелопа вынуждена была бы выбрать себе нового мужа из числа претендентов – и какой тогда оказалась бы судьба бедного Телемаха? Полагаем, что крайне плачевной. А ведь, напомним, на момент разворачивающихся в поэме событий еще жив отец главного героя, Лаэрт. Старика «задвинули» куда-то в деревню.

Если бы дело происходило в Риме, вся ситуация складывалась бы совершенно иначе. Престарелый Лаэрт по-прежнему властно управлял бы общиной, исполнял бы обязанности *paterfamilias*, и никакого кризиса власти, никакой коллизии с «женихами» вообще не возникло бы.

От уровня семьи переходим к уровню рода и фратрии. Здесь контраст оказывается особенно разительным – в связи с тем оговоренным выше обстоятельством, что, в отличие от римлян, далеко не все афиняне принадлежали к родам. Не входивших в состав таковых было даже подавляющее большинство. Каждый афинский гражданин неизбежно был членом какой-либо фратрии, но это иное. Следует упомянуть о «теории пирамид», предложенной еще в 1960-х гг. У. Дж. Форрестом [6] и приобретшей, без преувеличения, весьма большую влияние.

Аристократическому обществу (а ведь именно таковое было характерно для Греции периода архаики) было свойственно, замечает Форрест [6 р. 48 ff.], не столько «горизонтальное» деление социума на классы (тут ощущается полемика с марксизмом), сколько «вертикальное» деление: происходила организация по «пирамидам» – группам, возглавлявшимся лидерами-аристократами и включавшим в себя лиц из самых разных социальных слоев (относительно высоких, средних, низших).

Именно такими «пирамидами» выделялись Форресту аттические фратрии [6 р. 52 ff.]. Этот институт (о нем см., например, [7]) был ведь и на самом деле более сложен, нежели то представлялось, скажем, в XIX в., когда ведущие ученые утверждали (а уж с опорой на их мнение утверждал и Энгельс, из труда которого о происхождении семьи, частной собственности и государства мы, повторим, в школьные и студенческие годы, собственно, почерпнули в свой «интеллектуальный багаж» сам термин «фратрия»), что он является пережитком родоплеменного строя, промежуточным звеном между племенем и родом.

В этом плане афинскую фратрию уподобляли римской курии, но о совершенно иной природе курий в Риме было заявлено уже давно⁴, а вот вопрос об афинской «родо-племенной системе» ждал своего разрешения вплоть до 1970-х гг., когда практически одновременно во Франции вышли упомянутые выше исследования Буррио и Русселя (писавшиеся, насколько можем судить, независимо друг от друга, но тем не менее приведшие авторов к очень похожим результатам), итог которых – в том, что греческие роды (γένη) и фратрии представляют собой организации *вторичного* типа, а не какие-то рудименты, восходящие к первобытности.

Собственно, нас это не удивляет, а напротив, кажется вполне закономерным. Вообще говоря, термином «первобытность» у нас часто злоупотребляют. В свое время, более двух десятилетий назад, судьба столкнула автора этих строк с Ю.И. Семеновым, замечательным советским специалистом по ранним обществам, одним из зачинателей (еще в конце 1950-х гг.) второй в СССР дискуссии о восточном способе производства. Позже он, правда, удалился в штудии в области историософии, временами достаточно сомнительные; однако его книга по экономической этнологии [8] в свое время была нами прочитана с большим интересом.

Совершенно справедливо указание Ю.И. Семенова на то, что не всякое предклассовое общество⁵ является первобытным. На самом деле налицо довольно широкий спектр социумов, представляющих собой различные градации перехода от «чистой» первобытности к уже вполне сформировавшейся цивилизации. Не хотим в рамках данной

⁴ И.Л. Маяк и говорила нам об этом в своих лекциях, и писала в своих книгах.

⁵ «Классы», «классовый», «предклассовый» – это термины из арсенала марксизма. Пользуемся ими просто для удобства. Их бы, конечно, в идеале лучше заменить какими-нибудь другими, в большей степени адекватными (например, вместо «предклассовый» – «предгосударственный»? «предцивилизационный»?). Безусловно, упущением является то, что со времен крушения «единственно правильной идеологии» у нас как-то любые попытки построить что-то иное в области историософии стали восприниматься как некая ересь и не комильфо, а единственно допустимой стала работа в области чисто идиографических штудий, при заимствовании концептуального «багажа» с Запада.

работы вдаваться в теоретические рассуждения максимально общего порядка; но обязательно нужно охарактеризовать тот фон, на котором возникала эллинская античность в архаическую эпоху.

Формировалась ли она непосредственно из общества с родоплеменной структурой? Никоим образом. Античной греческой государственности предшествовала государственность микенская (это неточная формулировка, наводящая на мысль, будто бы речь идет только о Микенах; лучше бы сказать «ахейская», но и в подобном выражении есть свои минусы, поскольку дворцовые царства во II тыс. до н. э. были созданы не только ахейцами, но и некоторыми ионийцами; мы в последнее время все чаще применяем в данной связи введенный археологами термин «элладская»). На ее руинах выросли полисы Греции I тыс. до н. э.

Таким образом, родоплеменной строй на юге Балканского полуострова однажды уже уступил место вполне сложившимся государственным единицам, и не мог же он вновь возродиться после крушения этих последних. В частности, напомним о такой хрестоматийной вещи, проходящейся опять же уже в школе (во всяком случае, в наше время было так), как приход на поздних стадиях первобытности соседской общины на смену родовой общине. Для нас несомненно, что общины греков во II тыс. до н. э., в микенское (ахейское, элладское) время были уже соседскими, а отнюдь не родовыми. Сельские общины Эллады времени античности, – естественно, тоже.

И как тогда надлежит мыслить ситуацию? Родовая община уступает место соседской, потом, во времена коллапса дворцовых царств, опять возрождается родовая, далее вновь возникает соседская? Такой ход рассуждений представляется нам, можно сказать, абсурдным ввиду немотивированного включения явно избыточных звеньев. Несравненно резоннее считать, что община эллинов как стала соседской (не позже середины II тыс. до н. э.), так уж ею и оставалась; посему всякие умозаключения о рудиментах родоплеменного строя еще в архаический период, на наш взгляд, просто бессмысленны.

Возвращаясь к «теории пирамид» Форреста, поясним, что именно этот выдающийся английский исследователь понимал под фратрией. Он исходил из того, что у лексикографов отмечается деление членов любой фратрии на «геннетов» и «оргеонов» (ср. [9 р. 33]). Эти две категории можно трактовать, грубо говоря, как знатных и незнатных, аристократов и «чернь». Геннеты (термин, естественно, происходит от γένος) – это те члены фратрии, которые помнят свой род, т. е. череду предков, восходящую к мифологическим героям (при переводе из легендарного плана в исторический это означает, что генеалогическая память семьи простирается до II тыс. до н. э.); а оргеоны – это простолодины, «Иваны, родства не помнящие» (и в этом плане близкие нам: мало кто из нас сможет назвать своих предков более далекой степени, чем прадеды).

В результате в построениях Форреста аттическая фратрия – это структура вот какого характера: знатный аристократический род и

объединившаяся вокруг него группа его незнатных «клиентов», простолюдинов (которых, естественно, больше). Группа поддержки, так сказать; отсюда и выражение «пирамида». Следует заметить, что уже и предшествовавшими исследованиями было констатировано: во фратрии, как правило, выделяется один знатный род⁶.

Кстати, этимология самого слова «фратрия» сложнее, чем может показаться на первый взгляд. Традиционно его ставили в связь с латинским *frater* «брат», т. е. фратрия – это «братство». Однако иногда нам кажется: не случайное ли здесь созвучие? По-древнегречески «брат» будет совсем иначе – *ἄδελφος* (несомненно, субстратная лексема).

Более того, если мы пронаблюдаем, как звучал термин «фратрия» в различных диалектах древнегреческого языка, то обнаружим достаточно неожиданные варианты. «Фратрия» – «фатрия» – «фатра» – «патра»... Последний из перечисленных явно напоминает скорее уж не *frater*, а *pater* (и соответственно, греческое *πατήρ*) – «отец». Не является ли именно эта этимологическая связь первичной (а связь с «братом» в таком случае позднейшим домыслом), не должна ли фратрия ассоциироваться все-таки с «отцами»? С «отцами», конечно, не столько в кровнородственном смысле, сколько в смысле, так сказать, социально-политическом – подобно тому, как римские сенаторы именовались *patres*, «отцами», по отношению к остальным римлянам (а с возникновением Империи появился и вовсе *Pater patriae*).

Фратрия в таком смысле может пониматься как объединение простолюдинов-«клиентов» вокруг аристократов-«отцов», составлявших тот знатный род, вокруг которого оно группировалось. Как бы то ни было, уж и вовсе некорректно проводить какие-то параллели между греческими фратриями и римскими куриями (*curia*, как неоднократно показано у И.Л. Маяк, восходит к **co-viria*, т. е. это по истокам своим мужской союз, институт совершенно иного характера).

Наконец, что касается еще более высокого уровня деления древнегреческого общества, уровня фил, в связи с ними есть концепция выдающегося индоевропейца Э. Бенвениста [11 с. 175 слл.], с которой мы в основном солидарны: филы – не этнические, а опять же социальные категории. Это не племена, а образования наподобие древнеиндийских варн.

Древние греки были индоевропейцами, а у большинства индоевропейских народов все общество делилось на три или четыре крупные словесные группы. Принадлежность человека к одной из этих групп определяла его место среди других людей, его социальный статус и престиж, иногда даже род его занятий. Лучше всего такое деление на группы известно в Древней Индии; там эти группы назывались варнами. К высшей варне брахманов принадлежали жрецы, к варне кшатриев – воины (включая полководцев и царей), к варне вайшьев – крестьяне и ремесленники, то есть масса простого народа, к варне шудр – слуги, рабы.

⁶ См., в частности, на примере одной из аттических фратрий [10 p. 116–134]

Не могло ли быть так, что и древнегреческое общество на заре своей истории делилось на такие же сословия и они-то как раз и назывались филами? Со временем их изначальные функции отмерли, их истинное происхождение стерлось в памяти греков, но сами филы остались.

Как известно, у дорийцев насчитывались три исконные филы: гиллы, диманы, памфилы. У ионийцев – четыре исконные филы: аргады, гоплеты, гелеонты, эгикореи⁷. Как это соотносится с индоарийским варновым делением? Решающими оказываются тут классические выкладки Ж. Дюмезиля о троичном членении древнейшего индоевропейского общества. Грубо говоря, это слой жрецов, слой воинов, слой производителей материальных благ.

Дюмезиль (ныне он несколько подзабыт, а зря; в свое время его работы производили эффект «разорвавшейся бомбы») находил пресловутую «троичность» в самых разнообразных индоевропейских обществах: индоарийском, римском (триада «Юпитер – Марс – Квирин»), древнегерманском, осетинском (которым он специально занимался) и др. А вот для Греции он не мог найти необходимых корреляций, поэтому мало привлекал в своих трудах материал, происходящий из нее, ссылаясь на то, что там, дескать, слишком силен доиндоевропейский субстрат (что соответствует действительности), который не позволяет реконструировать картину во всей ее чистоте.

Но вот тут-то как раз напрашиваются следующие соображения. В Индии тоже был крайне силен доиндоевропейский субстрат. Вторгшиеся арии подчинили себе местное население. Аналогично на юге Балканского полуострова вторгшиеся греки подчинили себе местное население. Соответственно, должны, по идее, наблюдаться какие-то аналогии и в структуре социума. Они действительно есть!

В Индии древнейшая трехчленная структура (брахманы-жрецы, кшатрии-воины, вайшьи-производители) дополнилась четвертым элементом – «чужаками», уже поэтому поставленными в самое пониженное положение. Это варна шудра. В Грецию же ионийцы пришли, судя по всему, уже в первой половине II тыс. до н. э. и, соответственно, должны были как-то решать проблему покоренного местного населения, включать ее в свою общность. Поэтому у них сложилась система из четырех фил (три слоя «своих» плюс «чужаки», как в Индии). Дорийцы явились на юг Балкан позже и вели себя брутальнее, поэтому они свою систему из трех фил оставили неизменной, «чужаков» включать в нее не стали.

Что касается четырех исконных ионийских (следовательно, и аттических) фил, Э. Бенвенист [11 с. 193–194] трактует их так. Гелеонты связаны с Зевсом, стало быть, это, скорее всего, жрецы; эгикореи – воины, они связаны с Афиной и ее эгидой, отсюда и название; аргады – земледельцы,

⁷ Впоследствии во многих полисах, и дорийских, и ионийских, обнаруживается иное (как правило, большее) количество фил. Это продукт различных реформ. А мы здесь говорим именно об исконном делении.

здесь связь с *ἄρουρ*, что в древнейшие времена означало равнину; гоплеты (не путать с позднейшими гоплитами) – ремесленники, здесь *ὄπλα* фигурирует не в значении «доспехи, вооружение», а в значении «орудия».

Таким образом, можно постулировать следующую (разумеется, во многом условную и небезоговорочную) корреляцию: гелеонты – брахманы, эгикореи – кшатрии, аргады – вайшьи, гоплеты – шудры, «чужаки» (в Афинах и впоследствии чужакам, метэкам, не дозволялось заниматься ничем иным, кроме как ремесленно-торговой деятельностью). Интересно, что у Геродота (Herod. V. 66) доклизфеновские аттические филы перечисляются именно в таком порядке: гелеонты, эгикореи, аргады, гоплеты. В другом раннем памятнике, «Ионе» Еврипида, старые филы перечисляются в несколько ином порядке: гелеонты, гоплеты, аргады, эгикореи (Eur. Ion. 1579 sqq.). Но это, полагаем, связано с соображениями метрики, а древнюю семантику названий и функций фил драматург второй половины V в. до н. э. помнить был совершенно не обязан. Но кстати, даже он утверждает, что Гелеонт, эпоним филы гелеонтов, – «первый» (*πρῶτος*). Возможно, и тут сохранилась чрезвычайно древняя память о высшей «филе-варне».

Термин «триба» (*tribus*), в чем совершенно невозможно усомниться (да, в общем-то, никто и не сомневается), тоже имеет самое прямое отношение к праиндоевропейскому числительному, обозначавшему 3. Таким образом, и здесь троичное членение социума налицо.

Выкладки Буррио и Русселя (особенно Буррио) в связи с природой древнегреческого *γένος* были практически всеми коллегами приняты с огромным энтузиазмом, признаны, можно сказать, неоспоримыми. Те единичные ученые, которые с ними не согласились (среди них, например, Р. Литтман [12 p. 5 ff.]), не смогли привести достаточно убедительных контраргументов.

Таким образом, всю имеющуюся литературу по проблематике древнегреческих аристократических родов (а в сущности говоря, и вообще крупных персоналий в истории эллинских полисов, поскольку эти личности были исключительно аристократическими вплоть до последней трети V в. до н. э., когда появились «новые политики», коих столь удачно обнаружил Коннор [13]) можно разделить на две группы: «до Буррио» и «после Буррио». К первой относится⁸, помимо фунда-

⁸ Мы уж не говорим о совсем старых исследованиях, которые теперь представляются во многом курьезными. Так, из одного труда конца позапрошлого столетия мы с интересом узнаем о том, что в досолоновскую эпоху аристократы делились на «либеральную» группировку аттических патриотов и «реакционную юнкерскую партию» [14]. Автор другого зиждет выводы принципиального характера на ошибочной посылке, согласно которой в ионийских Афинах четыре филы делились на 360 родов (включавшие всех граждан) и, таким образом, господствовала «двенадцатеричная» система, как у евреев, в то время как в дорийских полисах – «десятеричная», как в Риме [15]. Примеры подобного рода можно было бы и продолжать.

ментальнейшего компендиума Кирхнера [16]⁹, чрезвычайно влиятельная монография Дж. Дейвиса «Афинские состоятельные семьи 600–300 гг. до н. э.» [18]. Ко второй – книги М. Шталя [19], Э. Штейн-Хелькескампа [20].

Впрочем, можно выделить и третью категорию: «помимо Буррио». Имеем в виду работы, которые, хотя и появились после 1970-х гг., написаны так, как если бы выводов Буррио и Русселя не существовало. Причем подобные опусы встречаются отнюдь не только в отечественной историографии (например, [21]), они вполне встречаются и в западной¹⁰. И это, конечно, трудно назвать конструктивным явлением.

Литература

1. Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох: Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н. э. М.: ИВИ РАН, 2000. 284 с.
2. Bourriot F. Recherches sur la nature du *genos*: Étude d'histoire sociale athénienne. *Periodes archaïque et classique*. Lille; Paris: Univ. de Lille, 1976. XXI, 1421 p.
3. Roussel D. *Trubu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique*. Paris: Maspero, 1976. 347 p.
4. Суриков И.Е. ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Политическая элита аттических демов в период ранней классики (К постановке проблемы) // Вестник древней истории. 2005. № 1. С. 15–33.
5. Toepffer J. *Attische Genealogie*. Berlin: Wedmann, 1889. VI, 338 S.
6. Forrest W.G. *The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C.* London: Weidenfeld and Nicolson, 1966. 240 p.
7. Lambert S.D. *The Phratries of Attica*. Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 1998. XI, 424 p.
8. Семенов Ю.И. Экономическая этнология: Первобытное и раннее предклассовое общество. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993. Т. 1–3.
9. Oliver J.H. *Demokratia, the Gods, and the Free World*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1960. X, 192 p.
10. Wade-Gery H.T. *Essays in Greek History*. Oxford: Blackwell, 1958. 280 p.
11. Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М.: Прогресс, 1995. 456 с.
12. Littman R.J. *Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C.* New York: Lang, 1990. XII, 274 p.
13. Connor W.R. *The New Politicians of Fifth-Century Athens*. Princeton: Univ. Press, 1971. 214 p.
14. Wilbrandt M. *Die politische und sociale Bedeutung der attischen Geschlechter vor Solon* // *Philologus*. 1898. Supplbd. 7. Ht. 1/2. S. 133–228.

⁹ Второй том LGPN, посвященный целиком Аттике [17], все-таки не является полноценной заменой своду Кирхнера, он не столь фундаментален.

¹⁰ Например, [22]; [23] (В.Р. Гуцин – пермский ученый, но статья, изданная на английском языке на страницах одного из ведущих мировых антиковедческих журналов, полагаем, автоматически включается в западную историографическую традицию).

15. *Schjøtt P.O.* Die athenische Aristokratie. Christiania: Videnskab-Selskab, 1906. 29 S.
16. *Kirchner J.* Prosopographia Attica. Berlin: Reimerus, 1901–1903. Bd. 1–2.
17. A Lexicon of Greek Personal Names / Ed. by P.M. Fraser, E. Matthews. Vol. 2: Attica / Ed. by M.J. Osborne, S.G. Byrne. Oxford: Clarendon Press, 1994. 510 p.
18. *Davies J.K.* Athenian Propertied Families, 600–300 B.C. Oxford: Clarendon Press, 1971. XXXII, 653 p.
19. *Stahl M.* Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen: Untersuchungen zur Überlieferung, zur Sozialstruktur und zur Entstehung des Staates. Stuttgart: Steiner, 1987. XIII, 287 S.
20. *Stein-Hölkeskamp E.* Adelskultur und Polisgesellschaft. Studien zum griechischen Adel in archaischer und klassischer Zeit. Stuttgart: Steiner, 1989. 272 S.
21. *Блаватская Т.В.* Черты истории государственности Эллады (XII–VII вв. до н. э.). СПб.: Алетея, 2003. 410 с.
22. *Hemmerdinger B.* Le régime des eupatrides dans Athènes (621–594) // *Quaderni di storia*. 1984. No. 19. P. 165–170.
23. *Goušchin V.* Pisistratus' Leadership in A.P. 13.4 and the Establishment of the Tyranny of 561/560 B.C. // *Classical Quarterly*. 1999. Vol. 49. No. 1. P. 14–23.

References

1. Surikov I.E. From the history of Late Archaic and Early Classical Greek aristocracy. The Alcmaeonid family in Athens' political life, 7th – 5th centuries B.C. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN Publ.; 2000. 284 p. (In Russ.)
2. Bourriot F. Recherches sur la nature du genos: Étude d'histoire sociale athénienne. Périodes archaïque et classique. Lille; Paris: Univ. de Lille Publ.; 1976. XXI, 1421 p.
3. Roussel D. Trubu et cité. Études sur les groupes sociaux dans les cités grecques aux époques archaïque et classique. Paris: Maspero Publ.; 1976. 347 p.
4. Surikov I.E. ΔΗΜΟΤΕΥΤΑΙ: Political elite of Attic demes in Early Classical period (to the statement of an issue). *Journal of Ancient History*. 2005;1:15–33. (In Russ.)
5. Toepffer J. Attische Genealogie. Berlin: Wedmann Publ.; 1889. VI, 338 S.
6. Forrest W.G. The Emergence of Greek Democracy: The Character of Greek Politics, 800–400 B.C. London: Weidenfeld and Nicolson Publ.; 1966. 240 p.
7. Lambert S.D. The Phratries of Attica. Ann Arbor: The Univ. of Michigan Press, 1998. XI, 424 p.
8. Semenov Yu.I. Economic ethnology. Primitive and early pre-class society. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN Publ.; 1993. Vol. 1–3. (In Russ.)
9. Oliver J.H. Demokratia, the Gods, and the Free World. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1960. X, 192 p.
10. Wade-Gery H.T. Essays in Greek History. Oxford: Blackwell Publ.; 1958. 280 p.
11. Benveniste É. The vocabulary of Indo-European institutions. Moscow: Progress Publ.; 1995. 456 p. (In Russ.)
12. Littman R.J. Kinship and Politics in Athens 600–400 B.C. New York: Lang Publ.; 1990. XII, 274 p.
13. Connor W.R. The New Politicians of Fifth-Century Athens. Princeton: Univ. Press, 1971. 214 p.
14. Wilbrandt M. Die politische und sociale Bedeutung der attischen Geschlechter vor Solon. *Philologus*. 1898;7:133–228.
15. Schjøtt P.O. Die athenische Aristokratie. Christiania: Videnskab-Selskab Publ.; 1906. 29 S.
16. Kirchner J. Prosopographia Attica. Berlin: Reimerus Publ.; 1901–1903. Bd. 1–2.
17. Fraser P.M., Matthews E., ed. A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. 2: Osborne M.J., Byrne S.G., ed. Attica. Oxford: Clarendon Press, 1994. 510 p.

18. Davies JK. Athenian Propertied Families, 600-300 B.C. Oxford: Clarendon Press, 1971. XXXII, 653 p.
19. Stahl M. Aristokraten und Tyrannen im archaischen Athen: Untersuchungen zur Überlieferung, zur Sozialstruktur und zur Entstehung des Staates. Stuttgart: Steiner Publ.; 1987. XIII, 287 S.
20. Stein-Hölkeskamp E. Adelskultur und Polisgesellschaft. Studien zum griechischen Adel in archaischer und klassischer Zeit. Stuttgart: Steiner Publ.; 1989. 272 S.
21. Blavatskaya TV. Essays in the history of the statehood in Hellas (12th - 7th centuries B.C.). Sankt-Peterburg: Aleteiya Publ.; 2003. 410 p. (In Russ.)
22. Hemmerding B. Le régime des eupatrides dans Athènes (621-594). *Quaderni di storia*. 1984;19:165-70.
23. Goušchin V. Pisistratus' Leadership in A.P. 13.4 and the Establishment of the Tyranny of 561/560 B.C. *Classical Quarterly*. 1999;1:14-23.

Информация об авторе

Игорь Е. Суриков, доктор исторических наук; профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 119991, Ленинский просп., д. 32а; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; isurikov@mail.ru

Information about the author

Igor E. Surikov, dr. in History; professor, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32a, Leninskii av., Moscow, Russia, 119991; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993, Russia; isurikov@mail.ru